

Къ біографіи малороссійскаго этнографа Н. В. Закревскаго.

1805—1871.

Въ Москвѣ, въ концѣ Рождественки, въ такъ называемомъ „Проломѣ“ Китайской стѣны, имѣется извѣстная всѣмъ столичнымъ бібліофиламъ книжная лавка Астафьева. Въ 1900 году въ этой лавкѣ одному изъ моихъ московскихъ друзей, И. А. Бѣлоусову, случайно попала въ руки очень рѣдкая книга „Старосвѣтскій Бандуриста“ Закревскаго, напечатанная въ Москвѣ въ 1861 году. Книга „Старосвѣтскій Бандуриста“, рѣдкая сама по себѣ, въ данномъ случаѣ безцѣнна, потому что представляетъ собой авторскій экземпляръ, приготовленный самимъ авторомъ для второго изданія, но неизвѣстно когда и какимъ путемъ попавшій въ антикварную лавку Астафьева. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого экземпляра оказалось, что въ немъ послѣ каждого печатнаго листа вставленъ листъ писчей бумаги и на немъ рукой автора сдѣланы различнаго рода поправки и добавленія малороссійскихъ думъ, пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ, загадокъ, приповѣдокъ и отдѣльныхъ словъ малороссійской рѣчи. Все это видимо, готовилось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и должно было пополнить книгу при второмъ ея изданіи, чему, однако, не суждено было исполниться.

Насколько могъ бы пополниться „Старосвѣтскій Бандуриста“ при второмъ его изданіи, видно изъ того, что къ напечатаннымъ 190 думамъ и пѣснямъ добавлено новыхъ 9, къ пословицамъ и поговоркамъ, напечатаннымъ въ количествѣ 3878, добавлено новыхъ 630, къ 194 загадкамъ добавлено 11, а къ 11127 малороссійскихъ словъ добавлено новыхъ около 1265.

Кромѣ всѣхъ этихъ добавленій, къ напечатанной статьѣ „Обышемъ нѣкогда отношеніи малой Россіи къ Польшѣ“ добавлено цѣлое разсужденіе на трехъ, мелко исписанныхъ листахъ бумаги.

Въ срединѣ книги вклеенъ фотографическій портретъ автора съ надписью: „Кіевлянинъ Николай Васильевичъ Закревскій“, и къ концу ея приложенъ написанный рукою автора „Очеркъ жизни сочинителя“, представляющій собой цѣнный матеріалъ для біографіи малороссійскаго этнографа.

Вотъ этотъ „Очеркъ жизни“, буква въ букву со всѣми его характерными особенностями правописанія.

„Никогда не прибавилъ бы я этой статьи къ составленному мною описанію Кіева для того только, чтобы поговорить о себѣ; но всякому извѣстно, что человѣкъ зависитъ отъ обстоятельствъ; слѣдовательно читатель самъ увидитъ, чего можно требовать отъ сочинителя въ его положеніи.

Я родился въ городѣ Кіевѣ, на Подолѣ, близъ дѣвичьяго Флоровскаго монастыря въ пятницу, въ половинѣ четвертаго часа по полудни девятаго іюня 1805 года. Великій пожаръ, истребившій въ 1811 г. лучшую часть города, повергъ отца моего въ бѣдность; скорбь сокрушила надежды и жизнь сего человѣка его въ лучшемъ возрастѣ; вдова и сынъ остались безпомощны. Съ этихъ поръ предстояло мнѣ долгое и трудное испытаніе. Посѣщая съ 1-го апрѣля 1820 г. Высшую Кіевскую Гимназію, я принужденъ былъ искать помощи въ самомъ себѣ. На 16-омъ году началъ давать въ нѣкоторыхъ предметахъ уроки, заниматься репетиціею съ товарищами и тѣмъ доставлять себѣ и матери пропитаніе. Въ это время восхищали меня философскія лекціи Г. Ростовцова и чтенія изъ Гражданской Архитектуры добраго Николая Осиповича Шульговскаго. Оставалось не болѣе полугода до окончанія учебнаго курса въ гимназій, какъ я, по неопытности своей, увлеченный пристрастнымъ совѣтомъ Директора г-на Петрова, превралъ

ученіе и 9-го ноября 1824 г. принялъ мѣсто помощника при Губернскомъ Архитекторѣ Карлѣ Вейцлерѣ въ Житомирѣ. Непріятное положеніе при семъ невоспитанномъ человѣкѣ и невозможность быть опредѣленнымъ по сему званію въ статскую службу принудили меня въ маѣ 1825 г. удалиться и искать мѣсто въ Петербургѣ. Около трехъ лѣтъ провель я въ столицѣ, будучи частнымъ учителемъ, или занимаясь переписываніемъ бумагъ въ мѣстахъ присутственныхъ безъ жалованья, и не могъ быть принятымъ въ гражданскую службу; потому что въ моемъ свидѣтельствѣ, по невѣжеству Магистратскаго секретаря Выдиборцова, не было написано указа, на основаніи котораго выдаются подобные документы. Все это, потерянное для меня время, провель я безъ покровителей, безъ знакомыхъ, часто принужденный бороться съ крайностями. Возвратившись въ февралѣ 1828 года въ Кіевъ, я вступилъ снова въ число учениковъ гимназіи; кончилъ курсъ наукъ въ 1829 г., и черезъ годъ получилъ аттестатъ на степень дѣйствительнаго студента. Потерявъ охоту вновь опредѣляться въ статскую службу, я отправился въ Дерптъ, и 9 декабря того же 1829 г. поступилъ въ число студентовъ сего университета по Факультету Юридическому. Однако и здѣсь не имѣя надежныхъ спосособовъ къ пропитанію, не было мнѣ возможности окончить курсъ въ Университетѣ; а потому я рѣшился искать какого либо мѣста ¹⁾. Въ іюнѣ 1831 года опредѣленъ я учителемъ Русскаго языка при Уѣздномъ Училищѣ Эстляндской губерніи въ городѣ Вейсенштейнѣ. Въ поощреніе начальство перевело меня съ 1-го января 1834 г. въ Ревель, гдѣ я занялъ должность учителя Русскаго языка, Географіи и Исторіи при губернской гимназіи. Въ этомъ же году познакомился я со вдовою полковника фонъ Гине, Каролиною Ивановною (Caroline Louise von Hüene). Она происходитъ изъ старинной въ Эстляндіи дворянской фа-

¹⁾ Въ словарь Брокгауза и Ефрона сказано, будто-бы Н. В. Захаровскій окончилъ Харьковскій университетъ т. 23.

милиі von Colongue; въ 1835 г. октября 16-го дня получилъ я руку сей женщины. Въ 1839 г. утвержденъ въ чинѣ Коллежскаго Секретаря, спустя нѣкоторое время получилъ благодарность отъ г. Министра „за ревность“, а потомъ денежное награжденіе; по мѣрѣ выслуги—слѣдующіе чины. Высочайшимъ приказомъ отъ 25 іюня 1847 г. произведенъ въ чинъ надворнаго совѣтника. Впрочемъ по нерасположенію Остзейскихъ жителей ко всему Русскому, служба Русскихъ учителей тамъ трудна и тягостна. Утомленный 16-ти лѣтнимъ противоборствомъ и интригами, я рѣшилъ удалиться, и въ слѣдствіе прошенія получилъ отставку и пенсію, треть жалованья, 94 руб. сер. по Высочайшему приказу отъ 21 августа 1847 г.; дѣйствительно уволенъ 23-го сентября. Оставилъ съ женой Ревель 9 октября; провель въ Петербургѣ нѣсколько дней для осмотра Остромирова Евангелія и копированія Кіево-Софійской мозаики изъ путешествія Бороздина и Иванова, хранящагося въ Публичной Библіотекѣ. Въ Москву прибылъ 6 ноября 1847 г. Здѣсь, по ходатайству нѣкоторыхъ лицъ, бывший тогда Попечителемъ Университета, Г. Голохвастовъ обѣщалъ мнѣ мѣсто учителя при Рязанской гимназіи. По истеченіи полутора года напраснаго ожиданія, велѣно мнѣ 30 марта 1849 г. отправиться въ Рязань. Но попечителево назначеніе не согласовалось съ желаніемъ Директора сей гимназіи, Шиллинга. Я получилъ, по Высочайшему приказу отъ 27 апрѣля 1849 г. мѣсто надзирателя при пансіонѣ; по выходѣ же г. Голохвастова въ отставку, я совершенно потерялъ надежду на учительское мѣсто, и не желая подвергать себя дальнѣйшимъ неприятностямъ, рѣшился опять выйти въ отставку. Высочайшимъ приказомъ отъ 11 марта 1850 г. по прошенію уволенъ отъ занимаемой должности, которую исправлялъ съ 5 апрѣля 1849 г. по 15 апрѣля 1850 г. Мая 10 дня, того же года оставилъ навсегда Рязань; провель нѣсколько дней въ Москвѣ и приѣхалъ (sic) въ Петербургъ.

Здѣсь единственною цѣлію моею была Академія Художествъ; я хотѣлъ удовлетворить своей страсти къ Архи-

тектуръ, которую питаль съ самихъ (sic) раннихъ лѣтъ, и остатокъ своей жизни намѣревался посвятить сему искусству; но и это желаніе мое не имѣло успѣха. Съ весьма ограниченными средствами я не могъ навсегда оставаться въ Петербургѣ; потому что непомятая дороговизна въ отношеніи содержанія себя съ женою превышала мои доходы, да и ремесленнической духъ учащихся въ Академіи не способенъ былъ увеличить моего энтузіазма. Съ 1-го сентября почти до конца 1850 г. посѣщаль я классы Рисовальный и Архитектурный; наконецъ вознамѣрился оставить во многихъ отношеніяхъ дорогую сѣверную Пальмиру, и въ концѣ декабря, единственно для жены, отправился въ Ревель, гдѣ и рѣшился, при довольно умѣренномъ содержаніи основать свое постоянное мѣстопробываніе, а въ 1853 г. даже обзавелся собственнымъ домомъ. Въ Ревелѣ проводилъ я время тихо, спокойно, былъ независимъ (sic) и счастливъ, занимаясь попеременно то историческими, то математическими науками, рисованіемъ и музыкою, особенно въ нѣкоторыхъ концертахъ для благотворительной цѣли охотно игралъ я первую скрипку. Но и это скромное благополучіе было непродолжительно. 24-го октября 1858 г. со внезапною смертію жены моей я понесъ горькую, невознаградимую потерю, которая сдѣлалась для меня тѣмъ чувствительнѣе, что супружество мое въ продолженіе 23-хъ лѣтъ было необыкновенно счастливо. Я рѣшился продать свой домъ, навсегда проститься съ Ревелемъ и переселиться на свою родину въ Кіевъ. Вотъ существенныя обстоятельства жизни моей. Обращаюсь къ своимъ историческимъ занятіямъ:

Съ молодыхъ лѣтъ еще плѣняла меня идея Исторіи города Кіева, возбужденная чтеніемъ Описанія Берлинскаго, которое даже и тогда казалось мнѣ слишкомъ сжатымъ. Первые матеріалы сталъ я собирать въ Дерптѣ, гдѣ находится богатая Университетская бібліотека. Пользуясь свободнымъ временемъ въ глуши Вейсенштейнской, 14-го марта 1833 г. началъ я составлять Описаніе моей родины, которая сдѣлалась для меня тѣмъ любезнѣе, чѣмъ отдален-

нѣ я былъ отъ нее (sic). Съ этихъ поръ, отказывая себѣ во многомъ, съ немаловажными издержками постоянно выписывалъ я книги, собиралъ возможныя (sic) для меня матеріялы и рисунки. Переселясь въ Ревель, рѣшился я издать въ 1836 году небольшую книжку подъ заглавіемъ: „*Очеркъ исторіи города Кіева*“, съ цѣлю указать на нѣкоторые недостатки въ существующихъ сочиненіяхъ по сему предмету. Но я вскорѣ убѣдился, что столь малая брошюра была почти незамѣчена пишущимъ классомъ людей. Впрочемъ это меня не огорчало; напротивъ я сталъ прилежнѣе изучать и обрабатывать любимый предметъ и нѣсколько разъ перемѣнял планъ изложенія. Спустя десять лѣтъ послѣ появленія *Очерка*, изрядное число собранныхъ матеріяловъ приведено въ систему; сто пятьдесятъ мелко писанныхъ мною листовъ и болѣе ста рисунковъ, собственной же работы, составили *Описаніе Кіева*. Не имѣя средствъ издать все это и опасаясь, что многолѣтніе труды мои въ частныхъ рукахъ могутъ легко погибнуть, я рѣшился 9 февраля 1846 года эту рукопись отдать въ С.-Петербургскую Публичную Библіотеку. Оставшуюся у меня копію, въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ подвергъ я новой передѣлкѣ и, переселясь въ Москву, 13-го мая 1848 г. вручилъ я Г-ну Профессору Юсифу Максимовичу Бодянскому для напечатанія въ журналѣ: „Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“. Начали печатать 29 іюня; но едва была отпечатана половина моего сочиненія, какъ въ сентябрѣ Общество подверглось гнѣву Г. Министра и журналъ *Чтенія* запрещенъ, а съ нимъ вмѣстѣ и моя надежда рушилась! Ровно десять лѣтъ лежало мое бѣдное сочиненіе подъ спудомъ; однако же волею providѣнія обстоятельства перемѣнились, и постояннымъ доброжелательствомъ Юсифа Максимовича Бодянского *Лѣтопись* и *Описаніе Кіева* окончена печатаніемъ въ маѣ 1858 года и 22 іюня получилъ я одинъ экземпляръ въ Ревель.

Съ 1840 года занялся я собираніемъ Малороссійскихъ пѣсень и пословицъ и составленіемъ подробнаго словаря идиомовъ сего же нарѣчія. Переѣхавъ въ Москву 26-го іюля 1859 г., опредѣлился я корректоромъ при Типографіи Московскаго Университета, о чемъ состоялся 17 декабря 1859 г. за № 27 циркуляръ Г. Исправляющаго должность Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Исакова. Этимъ довольно труднымъ и скудно вознаграждающимъ мѣстомъ воспользовался я для того, чтобы удобнѣе издать въ свѣтъ свой новый Малороссійскій сборникъ подъ названіемъ: „Старосвѣтскій Бандуриста“. Книга 1-ая. Пѣсни; кн. 2-я. Пословицы; и кн. 3-я Словарь идиомовъ. Изданіе это удалось мнѣ, съ помощью Божіею, окончить въ концѣ іюля 1861 года.

Съ 1-го января 1863 г. университетская типографія отдана въ частныя руки, а я съ 1-го мая того же года перешелъ на службу помощникомъ бібліотекаря въ Московскій публичный музеумъ“.

Этими словами и оканчивается „Очеркъ жизни“ Н. В. Закревскаго. Въ виду того, что у насъ въ печати имѣются очень скудныя свѣдѣнія о жизни и литературныхъ трудахъ Закревскаго, я счелъ нужнымъ предать печати „Очеркъ жизни“, написанный самимъ составителемъ „Старосвѣтскаго Бандуриста“ и вложенный имъ въ книгу въ виду предполагавагося, очевидно, втораго ея изданія. Для того, чтобы издать всю книгу „Бандуриста“ въ новомъ, исправленномъ и дополненномъ авторомъ видѣ, для того нужно, во-первыхъ, тщательно пересмотрѣть и переощѣнить вновь собранный авторомъ научный матеріалъ, а кромѣ того и имѣть значительные денежныя ресурсы, такъ какъ напечатанная книга „Старосвѣтскаго Бандуриста“, безъ новыхъ добавленій, имѣетъ 628 страницъ большого формата.

Не буду распространяться о томъ суровомъ осужденіи, съ какимъ встрѣтилъ выходъ въ свѣтъ „Старосвѣтскаго Бандуриста“ Закревскаго другой малороссійскій этнографъ, П. С. Ефименко 1).

1) Основа, 1862, октябрь, 27—48.

немъ известныхъ ученыхъ — академика А. Н. Пыпина и профессоровъ Н. Ф. Сумцова и О. М. Огоновскаго ¹⁾.

Въ виду цѣнности случайно найденнаго экземпляра книги „Старосвѣтскаго Бандуриста“, онъ переданъ мной въ библиотечку Екатеринославскаго Областнаго Музея имени А. Н. Поля и записанъ въ отдѣлѣ этнографіи подъ № 178.

Д. И. Эварницкій.

1) Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, III, 346; Сумцов, Діячі українського фольклору, Харьків, 1910, 7; Огоновскій, Зоря, 1894. № 6.